

Социализм XXI века. А. В. Шубин filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Социализм XXI века. А. В. Шубин

Когда знакомишься с вершинами современной социальной и футурологической теории, испытываешь странное déjà vu. Основы нынешних постиндустриальных и глобалистических концепций уже известны нам из работ социалистических мыслителей XX века. У основания этого пласта социальной мысли стоят Пьер Жозеф Прудон и Карл Маркс. И они сами, и их последователи сформулировали основы конструкции сетевой организации общества (Прудон, Михаил Бакунин), задачу преодоления индустриального общества (Николай Михайловский, Петр Кропоткин), глобального капитализма (исследователи империализма Рудольф Гильфердинг, Отто Бауэр, Роза Люксембург, Владимир Ленин) [1]. Виктор Чернов, не употребляя модного сейчас термина «периферийный капитализм», показал, что капитализм в его «землях обетованных» [2] принципиально отличается от капитализма в остальных странах, которые не смогут на капиталистическом пути «догнать» центр мировой экономической системы. Привлекая интеллектуальный потенциал теоретиков социализма XIX – начала XX веков, мы можем существенно продвинуться в нашем понимании как современной ситуации, так и возможного выхода человечества из кризиса индустриальной глобализированной цивилизации. Если искать этот выход в принципиальной альтернативе капитализму – а в условиях мирового экономического кризиса этот путь становится все более актуальным, – то речь пойдет о социализме XXI века.

Социализм постиндустриальной эпохи

Лозунг «Социализм XXI века» стал приобретать популярность в 1990-е, когда стали проявляться издержки краха «мировой системы социализма» XX века, когда «конец истории» глобального либерализма стал давать сбои. Заканчивался XX век, и если в новом столетии суждено быть социализму, то это и должен был быть «социализм XXI века». Однако сам термин содержит претензию на принципиальную новизну. А в китайском или венесуэльском «социализме XXI века» ничего нового по сравнению с XX веком нет. Это все тот же путь индустриальной модернизации и подъема благосостояния масс с помощью государственного дирижизма и социального государства. Под большим сомнением сама альтернативность этого «социализма» капитализму – ведь в капстранах есть и дирижизм, и социальное государство (с пропагандистским брендом «всеобщего благоденствия»). Критерий любого социалистического общества (социализма) – отсутствие эксплуатации, угнетения одними социальными слоями (господствующей кастой, элитой, эксплуататорскими классами) других (трудящихся, эксплуатируемых классов). Преодоление классового разделения, социально закрепленного неравенства – ключевое требование к обществу, которое претендует на то, чтобы называться социалистическим. Это требование не было выполнено ни в СССР, ни в КНР, ни, конечно, в современной Венесуэле.

И уж тем более нет в этом «XXI веке» новизны по сравнению с веком XX. Эта альтернативность и эта новизна возможны лишь тогда, когда строители социализма бросят вызов таким устоям современной организации общества, как индустриализм, ответственность и этатизм.
Разворот цивилизации

В конце XIX – начале XX века перспективы развития человечества были очевидны: вперед к победе специализации, крупного промышленного производства и производительности труда под руководством централизованного (читай – государственного) планирования. В конце концов все хозяйство сольется в единый производственный комплекс, зальет людей избытком продуктов, оставив на долю человека высокие занятия науками и искусствами. Увы, во второй половине столетия стало выясняться, что крупное хозяйство расточительно и разрушает природную среду, ресурсов не хватает, плановый центр обрастает чудовищной бюрократией, работник остается рабом машины, а потребитель, даже получающий хорошую зарплату и всевозможные социальные выплаты, вместо занятий науками и искусствами может погружаться в первозданное биологическое состояние – в зависимости от личного характера: либо в хищника городских джунглей, либо в растение, загипнотизированное примитивными телепередачами. Уже в середине столетия социальный и технический прогресс индустриальной цивилизации (в том числе и марксистского «социализма») привел нас туда, где стало ясно – пора поворачивать коней.

А ведь предупреждали нас об этом заранее. Сомнения в благотворности такого направления развития возникали уже в XIX веке. Это не удивительно –

Социализм XXI века. А. В. Шубин filosoff.org
капиталистический прогресс рождался в муках миллионов людей, попавших под его колесо. Либеральная и отчасти марксистская мысль успокаивала – потом наладится. Но критики капитализма, этатизма и технократизма возражали – в этой модели цивилизации уже заложена бесчеловечность, победа этого общества есть победа бесчеловечности. Наиболее последовательно эта мысль была выражена не консерваторами, охранителями доиндустриального традиционного общества – так же бесчеловечного, – а теми социалистами, которые стремились использовать для продвижения в будущее традиционные институты, не выплескивать с «ветхим средневековьем» и гуманистическую культуру, родившуюся до капитализма и индустриальных рывков в «светлое будущее». Речь идет о двух взаимосвязанных направлениях социалистической мысли – прудонизме и народничестве. Такие идеологи народничества, как Александр Герцен, Михаил Бакунин, Петр Лавров и Николай Михайловский, во многом были последователями и даже учениками Прудона. Сам Прудон воспринял мысль народников о том, что крестьянская община может стать моделью будущего посткапиталистического общества. При этом Прудон и большинство народников не собирались ложиться костью на пути технического прогресса, признавали его благотворность и необходимость. Их волновала возможность укрощения строптивой индустриализации, преодоления порабощения человека машиной. Аналогичные теоретические задачи пытался решать и Маркс. Но для него было делом принципа сохранение экономического централизма, то есть превращения всего общества в единую фабрику. А прудонисты и народники искали пути автономизации человеческих сообществ, защиты их от мегафабрики.

И в этих поисках родилась формула, которую можно считать первым тезисом постиндустриального общества. Михайловский дал определение прогресса, прямо противостоящее наблюдаемым технико-экономическим процессам:

«Возможно полное и многостороннее разделение труда между органами человека и возможно меньшее разделение труда между людьми – таков предлагаемый нами принцип, такова цель, которую мы указываем как наилучшую. Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, полезно и разумно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»[3].

Впервые гуманизм прямо бросил вызов индустриализму. Впервые был выдвинут критерий прогресса, который не отдавал человека на съедение индустриальному Молоху с его специализацией. При этом, в отличие от преодоления отчуждения у марксистов, Михайловский говорил не об идеальном финале, за которым государство превращается в негосударство, труд исчезает, прежняя история прекращает течение свое. У Михайловского речь идет об отношении к реальному экономическому процессу. В том числе и процессу эпохи капитализма. Он вообще не желает говорить об идеале, он предлагает вектор развития.

Для либеральных и марксистских теоретиков мысль Михайловского была абсурдна и ретроградна, ведь он противопоставил прогрессу специализацию, считавшуюся технократами его главным признаком. Не случайно марксисты ополчились против этого отношения к прогрессу – ведь за ним стояла и критика происходящего в России перехода к капитализму. Георгий Плеханов упрекнул Михайловского в том, что он «изгоняет законосообразность во имя «желательного»»[4]. Вслед за немецкими учителями Плеханов был готов принести «желательное» (то есть гуманистические ценности социалистического проекта) в жертву экономическому фатуму. На стороне Плеханова были наблюдаемые явления индустриального прогресса, и историческая близорукость не позволяла ему даже понять мысль Михайловского. Наблюдаемые экономические процессы не всегда прогрессивны, развитие общества сложнее, чем простое движение из пункта «А» в пункт «Б». Чтобы найти путь к желаемому будущему, иногда следует бросить вызов современной тенденции в надежде на то, что возникнут возможности для ее разворота.

Что такое пост-?

Во второй половине XX века такие возможности стали все более заметны. В 1950-е годы Борис Вышеславцев проанализировал кризис индустриальной культуры[5]. В 1960-е Герберт Маркузе бросил вызов одномерности человека в индустриальной системе[6]. В 1970-е Даниэл Белл показал, что количество занятых в индустриальном секторе снижается, но общество при этом

Социализм XXI века. А. В. Шубин filosoff.org
возвращается не в доиндустриальное аграрное состояние, а движется к какому-то новому «постиндустриальному» обществу[7]. В 1980-е Элвин Тоффлер попытался наполнить это в принципе бессодержательное слово – «постиндустриальный» – конструктивным смыслом. Как может выглядеть общество, которое качественно отличается как от аграрного, так и от индустриального?[8] Тоффлер не знал, что над этой проблемой десятилетиями работали два связанных идейных течения. Не удивительно, что его конструктивный проект очень напоминает концепции анархистов и народников, но во многих отношениях отстает от них по ясности и проработанности решения социально-политических проблем.

Итак, куда движется человечество, если ему не суждено застыть в вечном индустриальном обществе, превратиться в мегамашину или при катастрофическом развитии событий погрузиться в новое средневековье (деградация нашей страны от индустриального общества к периферийному компрадорскому и даже полуфеодальному – повод задуматься и о такой угрозе)?

В истории человечества явно выделяются две фазы (условно говоря, «формации»), резко различающиеся по своим фундаментальным чертам: традиционное (аграрное) и индустриальное (урбанизированное) общества. Первое основано на традиции, аграрном природном цикле, отсутствии жесткой производственной и управленческой специализации, размытости права; хозяйство находится во владении самого работника, в комплектовании кадров ключевую роль играют родственные связи и религиозная принадлежность. В основе этих взаимосвязанных признаков лежит близость человека к биологической среде – традиция и встроенность в природные циклы и ниши неизбежна на этом уровне культуры и технической мощи. В то же время осторожная традиция препятствует развитию культуры, так как сдерживает творчество – слишком опасное в условиях, когда каждый неверный шаг в отношениях с природой и соседями чреват катастрофой хрупкой цивилизации.

Индустриальное урбанизированное общество устроено иначе: оно стоит на тесной связи трех китов – инновации, специализации и стандартизации вертикальных управленческих связей, комплектовании кадров по критериям эффективности в данном виде деятельности (даже если это убийство), четких стандартах писаного права и защите священного права собственности (не только частной – важно обеспечить господство собственника, кто бы он ни был). Человек из подобия животного превращается в вещь – подобие инструмента и продукта – и на производстве, и в системе управления, и в культуре. Это – цена специализации, стандартизации (не может же винтик рассуждать – всю машину заклинит) и связанного с ней стремительного инновационного прогресса, роста производительности труда, успехов в войне с болезнями, демографического взрыва, быстрого роста уровня жизни элиты (и медленного роста совокупного потребления остальной человеческой массы), взлетов творчества, ветра перемен.

Соответственно, задача и критерий постиндустриального общества – освобождение человека от роли инструмента без того, чтобы он снова не деградировал в состояние «почти» животного. Человек должен вернуть себе разносторонность деятельности, освободившись при этом от труда (задача, смело поставленная молодым Марксом)[9], понимаемого как утомительная воспроизводящая («трудная»), а не увлекательная творческая деятельность. Творение нового, невиданного прежде, составляет отличие человеческого общества от животного мира, где оно присутствует разве что в зачаточной форме. Развитая способность к творчеству определяется такой фундаментальной особенностью человека, как способность фиксировать абстрактную информацию на материальном носителе. Это позволяет создать поле духовной культуры, куда человек направляет созданные им модели потенциальной реальности, которая может осуществиться «в камне и металле», а может остаться памятником игры человеческого разума. Каждый человек может подключиться к потенциалу постоянно накапливающейся культуры, что создает принципиально неограниченные возможности для развития инноваций, для творчества. Ограничение творчества содержится только в природных ресурсах на их осуществление и в жесткости самого социума, который боится быть разрушенным играющими творцами, моделирующими новое.

Тоффлер называл общество, в котором преобладает моделирующая деятельность, информационным, что не очень удачно – потоки информации есть в любом человеческом обществе, но приказы инженера рабочему и бумагооборот, затопивший бюрократические учреждения, – не тот вид информации, который позволяет говорить о присутствии какого-то принципиально нового

Социализм XXI века. А. В. Шубин filosoff.org
информационного общества. Правильнее говорить о моделирующем обществе, то есть таком, где ведущей деятельностью является моделирование реальности. Моделирующая деятельность присутствует и в других «формах», но играет в них подчиненную роль.

При оптимистическом сценарии моделирующее общество станет креативным, творческим. Но осуществимы не только оптимистические сценарии. Моделирующая деятельность может открывать пути манипуляции сознанием, не освобождению, а порабощению разума и духа.

С легкой руки Белла и его эпигонов стало принято называть постиндустриальными уже современные развитые западные страны. Раз большинство работников заняты не в промышленности, а в службе сервиса – значит, достигнуты постиндустриальные высоты. Увы, но современный сервис организован либо индустриально (на основе жесткой специализации и стандартизации), либо доиндустриально, как ремесло. Постиндустриальный сектор общества должен качественно отличаться от двух других. И такой сектор даже на Западе приходится искать днем с огнем.

Итак, задача постиндустриального масштаба – сделать творческие функции преобладающими в человеческом обществе. Эта задача чрезвычайно сложна, так как противостоит таким фундаментальным свойствам современности, как социально закрепленная специализация, социальная иерархия, промышленная гигантомания, различия в уровнях культуры между разными социальными стратами и разными народами, находящимися на разных стадиях развития. Переход к обществу, где интеллектуальная деятельность станет достоянием любого желающего, требует грандиозных преобразований, основы которых были сформулированы в работах социалистов XIX века.

Корневое общество и информалиат

Собственно, для того, чтобы получить постиндустриальное, моделирующее общество, нужно перестроить социальную структуру с вертикали на горизонталь и дать дорогу социальному носителю постиндустриального уклада – слою, в котором будут соединены функции моделирования, реализации и управления (ныне разделенные между интеллигенцией, рабочими, политической и экономической элитами).

Работник Прудона – совладелец своего предприятия. Его права защищены не собственностью, правомерность которой Прудон отрицает, а причастностью к деятельности коллектива [10]. Она, а не наследство папы-капиталиста, дает право на принятие решений. Работник-совладелец – не пролетарий, а человек среднего класса, который сам вместе с товарищами принимает решения и по поводу своего предприятия, и по поводу территории, на которой живет. Социализм Прудона основан на самоуправлении. Те же идеи мы встретим и у народников с их общинным самоуправлением. В этих концепциях общество строится как горизонтальная сеть равноправных работников, организованных в самоуправляющиеся коллективы. Подробно прописана организация «государства» (слово это надо брать в кавычки, потому что Прудон, Герцен, Бакунин, Кропоткин были анархистами и не считали предлагаемой ими системы государством в собственном смысле слова) – союз союзов, федерация федераций. Общины объединяются в территориальные ассоциации, ассоциации – в регионы, регионы – в страны (для удобства ступеней может быть больше, чтобы каждый уровень мог легко «дотянуться» до вышестоящего). Россия должна была превратиться в евразийскую федерацию. Такой евразийский федерализм (неимперское евразийство) актуален и для эпохи после распада СССР, когда еще сохраняется более-менее единое культурное пространство северной Евразии.

Такая же федерация возможна и на производственном уровне для согласования, например, отраслевых интересов. Принцип делегирования обеспечивает доминирование интересов низов над верхами, антибюрократический, координационный, сетевой характер «надстройки». Регулирование обмена продуктами так же происходит без вмешательства управленцев, на основе равноправных договоренностей небольших самоуправляющихся субъектов. Концентрация капитала невозможна из-за того, что все равно дела предприятия решают их коллективы. Если один коллектив «захватил» и «поработил» другой, то «порабощенные» работники имеют те же права, что и «поработители», и «рейдерский захват» теряет смысл – нет государственной структуры, гарантирующей права частного собственника. Только согласование интересов

работников.

Эта модель создавалась на материале восходящего этапа индустриального развития и пыталась уравновесить черты индустриального прогресса гуманизмом «просвещенной общины». Народники писали, что община – модель будущего общества, а не его основа. Для того чтобы получить путевку в будущее, она должна быть интеллектуализирована, освобождена от местечковой ограниченности и трудовой рутины. Работник будущего – это человек, включенный в мировые информационные связи, интеллектуал, реализующий свои проекты вместе с товарищами. В этом коллективе, конечно, есть и свое разделение труда, потому что у одних лучше получаются технические расчеты, а у других – переговоры с партнерами. Но поскольку работу распределяет коллектив, то разделение труда закреплено не жестко, зависит от способностей и наклонностей. Очевидно, что коллектив должен быть небольшим, а связи его – как можно более широкими. Коллектив – росток, корни которого расходятся в разные стороны. Такая корневая, неформальная горизонтальная структура общества вытекает из прудоновско-народнической модели и как нельзя лучше соответствует постиндустриальным задачам.

Развитие социального сектора, устроенного таким образом, приведет к падению роли буржуазии и пролетариата в пользу средних слоев «информационных ремесленников», «умственных рабочих» – нового класса, сочетающего в себе функции творчества, труда и руководства, который, соединив слова «информационный» и «неформальный», условно можно именовать «информалиат». В среде информалиата личность получает возможность самостоятельно выбирать свое место в социальной среде, сочетая направления деятельности по своему усмотрению.

Уклад, в котором преобладает самоуправляющийся информалиат, преодолевает разделение на господствующие и трудящиеся классы, то есть соответствует критерию социализма. В этом отношении можно говорить о том, что постиндустриальный уклад и есть социалистический сектор XXI века.

Отталкиваясь от традиционного и индустриального обществ в понимании того, чем не должно быть качественно отличное от них новое общество, анализируя возможности, которые открывают новые коммуникационные технологии и развитие моделирования, виртуализации как способа существования человека, используя конструктивные наработки социалистической и близкой к ней экологической мысли, мы можем выделить черты желательного постиндустриального будущего: преимущественно творческий характер производящей деятельности, вытеснение прав собственников в пользу производителей, демассивизация и деиерархизация цивилизации, деконцентрация производства и населения, резкий рост информационного обмена, размывание государственных границ и открытость культурных пространств, диверсификация деятельности, сближение производства и потребления, полицентричные, федеративные самоуправленческие политические системы, экологическая реконструкция экономики.

Кризис глобальной цивилизации и «третья волна»

Различия между моделирующей формацией и индустриальной будут так же велики, как между аграрным обществом Средневековья и индустриальным обществом Нового времени. Соответственно, и переход к новым общественным отношениям («третья волна», по выражению Тоффлера) является не менее масштабным явлением, чем переход от традиционного общества к индустриальному, сопровождавшийся беспрецедентными социальными потрясениями.

Либеральные футурологи часто рассматривают постиндустриальный переход как нечто, гарантированное технологическим процессом и к нему сводящееся. Однако эволюция технологии – необходимое, но недостаточное условие для перехода к принципиально новому обществу. Технический детерминизм недостаточен для объяснения нынешних социальных перемен. Если бы компьютер изобрели в начале XX века, он был бы использован для создания не коммуникационных сетей, а гигантских плановых центров государства. Развитие технологии в свою очередь обусловлено более широким полем культуры, запросом на креативность. Пока можно говорить лишь о вызревании, прорастании структур новых отношений в недрах существующей «формации» (подобно тому, как в свое время капиталистические и индустриальные отношения вызревали в рамках феодального традиционного общества).

Современная система глобализма представляет собой скорее финал

Социализм XXI века. А. В. Шубин filosoff.org
индустриальной стадии развития человечества, «питомник» ее предпосылок, нежели начало следующей фазы. Основные государственно-политические и социально-экономические структуры глобального капитализма вполне индустриальны по своей организации, даже если при этом производят программную продукцию. Тем не менее, бурное развитие качественно новых социальных и экономических структур делает переход к постиндустриальному обществу актуальной задачей ближайших десятилетий.

Господство стран Запада неустойчиво. В западных странах сосредоточены наиболее передовые технологии, сюда привлекаются талантливейшие специалисты со всего мира. Но, сидя в офисе в Нью-Йорке или Сингапуре, трудно управлять хозяйством Индии, Филиппин и Швеции. Руководство транснациональных корпораций не может точно оценить всех деталей мирового экономического развития. Мир слишком сложен, чтобы им могли управлять даже самые подготовленные люди. Сама глобальная экономика строится по принципу «мыльного пузыря». «Лопнувшие пузыри» дестабилизируют всю мировую экономику, и прежде всего среднеразвитые страны[11].

Кризис глобального рынка приведет к упадку стран, экономика которых ориентирована на экспорт, а также транснациональных корпораций. Более устойчивыми могут оказаться производители информации, поскольку глобальные коммуникации чрезвычайно облегчили ее обмен. Таким образом, даже в условиях распада глобального рынка материальных благ и усиления экономик, ориентированных на защищенные от конкурентов территории (которые уже, как правило, не ограничиваются одним государством), можно ожидать сохранения глобального информационного пространства. Оно станет полем конкуренции технических и социальных идей, культурных традиций, обществ, социальных групп и личностей. Возрастающую роль, не меньшую, чем целые народы, будут играть субкультуры, участники которых, хотя и живут по всему свету, но объединены общими интересами. Условием нового подъема человечества после начавшейся депрессии станут социальные преобразования и, вероятно, мировые потрясения (подобно тому, как Великая депрессия была окончательно преодолена только после создания социального государства и потрясений Второй мировой войны). Хочется надеяться, что на этот раз удастся найти путь получше, чем мировая война. Этот путь – переход к моделирующему самоуправляющемуся корневому обществу.

Зрелое моделирующее общество не возникнет в одночасье. Моделирующий сектор будет сосуществовать рядом с индустриальным и полуфеодалной периферией. Вертикально организованные корпорации будут стремиться подчинить себе креативные неформальные сообщества. Но производство перспективной информационно насыщенной продукции требует более гибких форм управления, большей автономии производителя-творца, чем это принято в жестко управляемой индустриальной организации. Творческий продукт производят люди, которые лучше разбираются в своем деле, чем их начальник. И это предполагает рост роли автономных гибких организаций, объединяющих небольшое количество творческих работников. Такие группы могут объединяться в ассоциации, но предпочитают равноправные экономические отношения, а не подчинение вышестоящим организациям.

Переход к новому обществу должен сопровождаться преодолением экологического кризиса в результате «подстраивания» под природную среду. Страны, которые задержатся на стадии острого экологического кризиса, рискуют навсегда превратиться в экологическую пустыню. Помимо внедрения экологических технологий, необходимо обеспечить распространение экологически безопасных форм жизни, в частности – поселений, которые сочетают близость к природе и использование современных технологий, духовную и творческую свободу и общинную взаимопомощь. Эти креативные общины могут стать очагами не только производства новых технологий (в том числе социальных), но и их апробирования и распространения.

Актуальна ли проблема постиндустриального перехода для России? Безусловно, да, если речь идет о подготовке организационных и социальных предпосылок, о формировании постиндустриального уклада в недрах существующего общества. Эксперты указывают на инвестиционный кризис как главное препятствие постиндустриального перехода в России. Они совершают при этом ошибку, подобную той, которая привела к срыву перестройки: проблема модернизации осознается как чисто технологическая и финансовая, а не организационная. Между тем постиндустриальное общество – это прежде всего принципиально новая организация людей, которая уже в силу этого открывает благоприятные возможности для взрывного внедрения технологий.

Даже в условиях сохраняющихся старых общественных отношений и дефицита средств возможно приступить к очаговой модернизации на постиндустриальной основе, если исходить из приоритета создания новой социальной структуры как основы постиндустриального перехода. При этом сам характер перехода предполагает невозможность и ненужность тотальной мобилизации, которая была условием форсированной индустриальной модернизации. Постиндустриальная модернизация будет носить очаговую и сетевую форму, первоначально охватывая лишь незначительную часть населения.

Формой модернизационного очага может стать «наукоград». Идея «наукоградов» в нашей стране уже успела получить распространение и быть скомпрометированной, так как в существующем виде она игнорирует проблему новой социальной организации. В результате средства в значительной части «уходят в песок». Реальный «наукоград» – это оазис будущего с принципиально новой инфраструктурой, людьми, ориентированными на научное творчество и его качественное обеспечение. Это – модель постиндустриального уклада, креативное сообщество, где все – «от детского сада до кафе» – должно обеспечивать воспроизводство и дальнейшее развитие творческой культуры, из которой и вырастают высокие технологии.

Условием успешного развития информального уклада и его очагов является защита от силового контроля со стороны бюрократии, капиталистических монополий и мафиозных группировок (эти три силы, как правило, выступают в союзе). То есть условием успеха «третьей волны» является социально-политическая революция – желательна демократическая и ненасильственная, которая может обеспечить сдвиг власти от ныне господствующих каст к гражданскому обществу и самоуправлению.

Власть национальных партийных и государственных бюрократий может быть вытеснена самоуправлением и прямой демократией (референдумы, непосредственное участие людей в решении вопросов, которые их касаются), так как информационные технологии позволят без особых проблем выявлять мнение различных групп населения и их удельный вес. Самоуправление может привести к возрождению общинных традиций, вытесненных массовым обществом.

Виртуализация публичной политики и вытеснение телевидения плюралистическими Интернет-коммуникациями создаст возможность для появления нескольких наиболее влиятельных виртуальных политических пространств с разными лидерами и системами организации. Виртуальные технологии и системы, аналогичные Интернету, сделают возможным одновременное сосуществование на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и Интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных стран. Возникнет проблема разделения полномочий территориальной и виртуально-ориентированной власти. Рост влияния субкультур может привести к кризису национальной идентичности и семьи, так как субкультурные стереотипы могут оказаться совершенно разными даже в рамках одной квартиры.

Субкультуризация и виртуализация культуры определит новые условия противоборства постмодерна и просветительского рационального проекта. На место мировоззренческого хаоса, перепроизводства смыслов и версий придет разделение смысловых систем в субкультурах со своими информационными фильтрами.

Широкое распространение альтернативной энергетики может привести к перестройке всей индустриальной и жилищной инфраструктуры, способствовать улучшению экологической обстановки, снимет проблему зависимости экономики от цен на энергоносители, но в то же время осложнит положение стран-экспортеров этого сырья. Возможность обеспечить даровой электроэнергией любой поселок облегчит отток населения из существующих городов. Большое значение будут иметь заповедные и рекреационные природные территории, как приспособленные для отдыха, так и защищенные от посещения людей в связи со своей экологической ролью. Но одновременно, по мере совершенствования строительных технологий и возникновения новых материалов, могут возникнуть гигантские здания-города, в которых будут сконцентрированы промышленные производства. Таким образом произойдет перестройка расселения: новые мегагорода будут сосуществовать с обширной малоэтажной застройкой размером с целые регионы (в том числе и на месте нынешних многоэтажных

Социализм XXI века. А. В. Шубин filosoff.org
кварталов). Выбор места обитания будет в большей степени зависеть от предпочтений, чем от необходимости каждодневного посещения места работы. Возникает возможность для средних слоев жить в собственном доме за городом, вдали от задымленных городских улиц. При этом они продолжают успешно работать в своих коллективах, связываясь с партнерами и сотрудниками по телефону или сети Интернет. Личное присутствие такого работника в офисе необходимо редко. Средние слои общества принесут в свои «деревни», состоящие из современных коттеджей, все достижения технологий, обеспечивающих высокое качество жизни. Рост роли средних слоев в развитых обществах XXI века, прогнозируемый большинством исследователей, означает и перестройку преобладающего образа жизни.

Социальные преобразования должны обеспечивать «втягивание» большинства населения в состав информалиата. Это возможно путем создания эффективной системы переквалификации и социальной адаптации. А пока «втягивание» не произошло, должна быть обеспечена поддержка других слоев развитыми институтами социального государства.

В случае кризиса глобального рынка произойдет сужение рыночной сферы. Однако рыночные отношения могут отмирать только по мере развития коммуникаций, которые позволят потребителю и производителю общаться так же тесно, как в свое время общались горожанин и ремесленник, жившие на одной улице. Поэтому даже в условиях кризиса современного глобализма экономические отношения еще долго будут основаны на взаимодействии локальных рынков материальных благ и глобального информационного и, в меньшей степени, ресурсного обмена.

Эта картина, которую можно прорисовывать в деталях, кажется утопией. Но, во-первых, это лишь оптимум, который возможен культурно и технологически только при условии успешного исхода драматических событий грядущих десятилетий. Во-вторых, современное западное общество казалось бы утопическим раем жителям средневековой Европы, вечно голодной и скованной железным обручем инквизиции, а бедствия середины XX века – непостижимым адом. Общество человека творческого имеет шанс решить проблемы современного человечества, но это означает и приобретение своих проблем, нам еще плохо понятных.

Противоречие столетия и социализм

Выше мы время от времени ссылались на оптимальный с нашей точки зрения сценарий развития событий. Это значит, что возможность успеха постиндустриального (информального, социалистического) проекта существует, но она не гарантирована. Направления развития альтернативны. Мир развивается неравномерно, и золотые плоды индустриальной цивилизации, с помощью которых человечество может сделать шаг в будущее, на самом деле могут погибнуть под обломками глобального капитализма. История развивается не только вперед, но и вспять.

Без конструктивной альтернативы существующему обществу кризис глобального миропорядка может привести к откату планеты во времена этнократии, ожесточенной борьбы национал-государственных машин за ресурсы, к трайбализму и контрмодерну.

Но и это – лишь одна из угроз социализму XXI века. Самоуправляющиеся креативные сообщества могут встроиться в более широкую систему общественных отношений, основанных как на корневых горизонтальных, так и на манипулятивно-управленческих вертикальных связях. Плюсом нового общества может стать и социалистический уклад, и глобальная информационная олигархия – владельцы и конструкторы виртуальной реальности.

Средства массовой информации, виртуальная реальность, Интернет и другие возможности получения информации и обмена ею – все это может служить как освобождению человеческого сознания, так и его закабалению. Если вы играете в компьютерную игру, которая владеет вашим сознанием, но составлена другими людьми, вы – раб этих людей. Если вы используете компьютер для творчества, создания нового знания или захватывающих образов, вы преодолеваете рамки индустриального общества, в котором творчество является привилегией элиты.

В современном мире наблюдается серьезный перекоп в скорости вызревания предпосылок постиндустриальной виртуализированной системы «сверху» и

«снизу». Если основы системы манипулятивного управления почти сложились, то «противовес» в виде корневой, горизонтальной структуры общества далек от завершения. В случае межформационной революции с центром на Западе может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где управление преобладает над саморегулированием (нечто подобное произошло в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству шел разными путями и в ряде стран привел к появлению тоталитарных режимов).

Картина грядущего будет зависеть от того, какая из двух тенденций возобладает в постиндустриальной моделирующей формации: манипулятивный авторитаризм (элитизм) или корневые креативные информальные структуры. Это – главное противоречие наступающего столетия. Как и в XX столетии, где модель социально-государственного индустриального общества осуществлялась в различных формах (советской, фашистской, рузвельтовской, шведской), в XXI веке будут существовать разные варианты новой общественной системы.

Разнонаправленные процессы – укрепление структур глобального информационно-экономического управления (а значит, и глобальной информационно-финансовой элиты) и складывание системы горизонтальных информальных и гражданско-договорных, основанных на согласовании связей ведут к возникновению противостоящих секторов моделирующей формации: элитистски-манипулятивного и информально-социалистического. Наличие этих полюсов не исключает формирования также смешанных и синтетических секторов.

Прорыв к социализму первоначально практически невозможно совершить всему обществу в силу неравномерности его развития. В случае успеха социалистического проекта, укрепления социалистического сектора возникает переходное общество. Оно должно обеспечить возможность движения к будущему, к социализму для тех, кто желает, оставив на долю остающихся уровень «зажиточности» (выражаясь языком современных китайских коммунистов) и роль тыловой базы социалистического сектора. Как в XX веке социальная система СССР при всех ее недостатках стала базовой площадкой для научно-технических и культурных достижений Советского Союза, так для социализма XXI века нужен союзник в виде устойчивого социального государства и просветительского проекта, открывающих путь в «сектор будущего» для каждого желающего.

Но в привычном для XX века словосочетании «социальное государство» в XXI веке упор следует делать на первое слово, а не на второе. Государство должно оставить за собой минимальные функции обеспечения стандартов – социальных, экологических, гражданских и безопасности. В их обеспечении возрастающую роль должны играть общественные структуры. Так, важнейшим элементом шведского «социального государства» являются профсоюзы. Такую же роль могут играть и другие гражданские сети.

Главное в «социальном государстве» не перекачка денег от богатых к бедным (в условиях подтягивания всех социальных слоев к среднему классу эта функция будет второстепенной). «Социальное государство» и связанные с ним общественные сети должны помочь человеку в том, чтобы заняться делом, к которому у него есть стремление и талант. Надежды на мелкий бизнес часто оказываются напрасны, потому что требуют огромного напряжения сил, направленных на собственно предпринимательскую работу, а не на дело, ради которого бизнес затевался. Человек может быть талантливым резчиком по дереву или программистом, но не иметь организационных способностей, чтобы развернуть свой бизнес или сделать карьеру в соответствующей профессиональной сфере. В то же время люди с организационными и «пробивными» способностями могут не иметь талантов в том деле, которым занимаются, делая карьеру. Как быть? У «раскрученных» музыкантов и писателей есть «агенты», которые берут на себя организационные проблемы. Но такие же «агенты», организаторы, нужны любому человеку, который может заниматься творчеством за пределами индустриального сектора. «Социальное государство» будущего – это сообщество «агентов», помощников тех людей, которые готовы заниматься производством на заказ, а не массовым фабричным производством. Сообщество помощников – еще один канал в будущее для тех людей, кто не готов брать на себя ответственность информалиата за собственное будущее, но уже перерос фабричную организацию жизни и деятельности.

Итак, социализм XXI века – это не устройство государства, а сектор общества, вероятнее всего – один из его полюсов. Его формула: творческий характер деятельности работников-совладельцев средств производства + самоуправление + федеративная демократия + договорное право + равноправные

В условиях развития глобальных субкультур социалистический сектор может развиваться экстерриториально. Он может преобладать в нескольких странах, но влиять на жизнь гораздо более широкого ареала. Без этого ареала и глобальных связей территориальные очаги социализма вряд ли смогут сохраниться. Информалиат может дать жизнь нескольким конкурирующим проектам и субкультурам. Найдут ли они возможность для согласования своей деятельности, сближения идей и стратегий?

От этого зависит, насколько успешным будет продолжение истории социализма в XXI веке, насколько гуманным, демократичным, свободным, солидарным и творческим станет будущее человечества, наше будущее.

Примечания

1

Подробнее см.: Шубин А.В. Социализм. Золотой век теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

2

Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1992. С. 113.

3

Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1906. Т. 1. С. 148–150.

4

Плеханов Г.В. Сочинения. М., 1925. Т. 7. С. 103.

5

Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. New York, 1982.

6

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.

7

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

8

Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

9

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 70.

10

См.: Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998.

11

Подробнее см.: Шубин А.В. Великая депрессия и будущее России. М., 2009.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!